

УДК 94 (510)

ЦЫБЕНОВ Базар Догсонович — доктор исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670042, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; bazar75@mail.ru)

ЦЫРЕМПИЛОВА Виктория Эдуардовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670042, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; vikaliv21@yandex.ru)

РЕЛИГИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧИНГИЗИДОВ И ИНСТИТУТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКОМ МИРЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в. (на примере Хулун-Буира)

Аннотация. В статье анализируются различные аспекты истории буддизма и шаманизма на территории Хулун-Буира в первой трети XX в., включая религиозные и политические взаимоотношения хулун-буирского чиновничества с Богдо-гэгэном и правительством Внешней Монголии и деятельность перерожденцев Егудээр-хутухты и Панчен-ламы IX в регионе. Авторы предполагают, что дауры, в среде которых большое развитие получили панмонгольские идеи, возможно, не совсем обоснованно причисляли себя к потомкам Чингизидов Монгольской империи.

Ключевые слова: буддизм, Хулун-Буир, баргуты, чиновничество, дауры, шаманизм

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» № 22-68-00054.

В первой трети XX в. Хулун-Буир представлял собой важный в геополитическом и стратегическом отношении приграничный регион. Примерно в 1905–1906 гг. должность хайларского амбана (наместник) была упразднена, а высшее управление Хулун-Буиром было передано китайскому чиновнику фудутуну (помощник военного губернатора), а затем фудутун был заменен даотаем (инструктор по различным отраслям провинциального управления) [Цыбенков, Курас, Цыремпилова 2023: 721]. Таким образом, в начале века появились противоречия между двумя властными институтами — местной властью, лишившейся своих полномочий, и китайской, назначенной цинским двором в период проведения «новой политики».

Администрация располагалась в Хайларе и именовалась *ямьнь фудутуна*. Под руководством фудутуна находились главы правого и левого крыла знаменной организации Хулун-Буира. Глава правого крыла именовался *баруун тинхим-ун дарга*, лидер левого крыла — *зуун тинхим-ун дарга*. Оба руководителя имели помощников. Все они составляли высшее руководство администрации фудутуна [Цыбенков, Курас, Цыремпилова 2023: 721]. В 1912 г. ухэрида олетского хошуна Шенфу был назначен фудутуном и возглавил администрацию Хулун-Буира. По национальности он был дауром, и мы полагаем, что

по своим религиозным воззрениям Шенфу был шаманистом. В настоящее время известно, что подавляющее большинство дауров всегда были и поныне являются шаманистами, хотя в начале XX в. имелись ошибочные суждения, что они были буддистами. Например, известный исследователь Барги (Хулун-Буир) В.А. Кормазов указывал: «...большинство дауров, по своим верованиям, ламайты (буддисты. — *Авт.*), но встречаются и шаманисты» [Кормазов 1928: 44]. По всей видимости, некоторая часть дауров, входивших в высшие слои хулун-буирского общества, приобщились к буддизму под влиянием присоединения Хулун-Буира к Внешней Монголии, где большую роль играло буддийское духовенство во главе с Богдо-гэгэном. Возможно, Кормазов мог встречаться с этими высокопоставленными даурами и вынести впечатление о даурском народе как о буддистах.

В целом, религиозная ситуация в Хулун-Буире выглядела достаточно пестрой. Помимо буддистов школы гелугпа и шаманистов, т.е. местного населения, в регионе проживали христиане (православные), представители конфуцианства и даосизма, других направлений буддизма, синтоисты. Их появление было связано с проведением КВЖД и созданием русских поселков в Хулун-Буире. По данным 1914 г., в них проживали 11 633 русских, 6 215 китайцев, 182 японца, 94 корейца и 37 прочих иностранцев, всего 18 161 чел. К 1919 г. население поселков увеличилось до 35 800 чел., из них русских — 20 180, китайцев — 10 325, японцев — 5 023, прочих иностранцев — 272 [Мещерский 1920: 17]. Обращает внимание резкий рост численности японского населения в Хулун-Буире с 1914 по 1919 г.

Возвращаясь к религиозным воззрениям местного населения Хулун-Буира, отметим, что здесь до сих пор существуют некоторые разночтения. Они в основном касаются трех этнических групп — бурят, старых баргутов, эвенков-хамниганов. Как отмечал В.А. Кормазов, «по своим религиозным верованиям почти все выходцы из Забайкалья — буряты и тунгусы — православные, носят русские имена, в юртах иконы, но, тем не менее, шаман у них в большом почете. В юрте буряты и тунгуса уживаются шаманские принадлежности с православными образами» [Кормазов 1928: 47]. Под тунгусами можно понимать эвенков-хамниганов, переселившихся в Хулун-Буир из пределов Забайкалья. Вероятно, имело место переселение группы хамниганов, которая на родине в той или иной степени подвергалась этнокультурному влиянию русского населения. Известно, что один из сомонов хошуна Старая Барга населяют хамниганы, поэтому в перспективе можно провести полевое этнографическое исследование на предмет сохранения у них элементов православия. И все же мы полагаем, что буряты и эвенки-хамниганы в подавляющем большинстве являлись буддистами и шаманистами. Известно, что буряты, проживавшие в местности Шэнэхэн, со временем построили буддийский монастырь (дацан), среди них небольшую часть составляли представители интеллигенции и буддийского духовенства [Базаров 2001: 10].

Старые баргуты (другое название — чипчины), по некоторым данным, были буддистами [Кормазов 1928: 44], что противоречит мнению других исследователей, указывавших на незначительное влияние буддизма на этот народ [Мещерский 1920: 16; Atwood 2002: 116]. Поскольку современные старые баргуты в большинстве своем сохраняют приверженность к шаманским традициям [Зориктуев 2021: 139], и новые баргуты подчеркивают этот момент как один из отличительных, можно полагать, что в начале XX в. старые баргуты в основном были шаманистами. Есть мнение, что их религия — синкретическая, сочетающая в себе особенности буддизма и шаманизма [Мягашева

2017: 76]. К тому же они являлись наиболее состоятельным элементом кочевых племен Хулун-Буира [Кормазов 1928: 44]. Шаманизм и состоятельность старых баргутов, очевидно, привлекали даурских чиновников, которые небезуспешно пытались сблизиться с ними и использовать в своих интересах. Например, летом 1912 г., когда баргуты подняли вопрос об упразднении «даурского начальства», дауры попытались записать в свои ряды старых баргутов и тем самым уберечь созданную ими систему управления от упразднения [Кузьмин 2021: 51].

Новые баргуты и олеты Хулун-Буира в подавляющем большинстве являлись буддистами, к шаманистам относились эвенки-солоны и эвенки-орочоны [Мещерский 1920: 16; Atwood 2002: 116]. Таким образом, можно полагать, что чиновники в администрации Хулун-Буира – выходцы из различных монгольских и тунгусо-маньчжурских этнических групп были приверженцами той или иной религии. Резкого конфессионального противопоставления как среди высших слоев, так и среди народа не наблюдалось, имели место межэтнические браки. Ситуация в Хулун-Буире, вероятно, чем-то напоминала обстановку в некоторых частях этнической Бурятии в XIX в., где сосуществовали буддизм, шаманизм и даже православие, и в силу разных причин буряты соблюдали те или иные религиозные правила. Очевидно, хулун-буирские чиновники, шаманисты по вере, в начале XX в. осознавали необходимость хотя бы внешнего соблюдения буддийских предписаний и правил. Некоторые из них проникались идеями буддийской религии. Теократический характер правительства Богдо-гэгэна оказал существенное влияние на отношение чиновников Хулун-Буира к нему. Так, хайларская знать в своих контактах с Внешней Монголией неизменно подчеркивала религиозную составляющую взаимоотношений и обращалась к Джебцундамба-хутухте преимущественно за получением благословений и буддийского учения [Цыбенев, Юй Шан 2018: 113]. Религиозные связи имели и политическую окраску. Например, в письме одного баргутского чиновника (начальника сомона), сопровождавшего делегацию в Ургу в 1904 г., кратко освещалась история Новой Барги. Центральное место в ней занимала история получения местным буддийским монастырем хадака из желтого шелка от самого Богдо-гэгэна [Atwood 2005: 12-13]. В августе 1909 г. глава олетского хошуна Шенфу написал письмо Богдо-гэгэну с просьбой направить прибывшего к ним из Урги святого перерожденца в монастырь Буян чуулах, что на оз. Хужир-нур, для чтения проповедей по исконным традициям ламаизма. Шенфу указывал, что народ не хочет потерять традиции исконной буддийской религии. В письме отмечалось также увеличение числа китайских чиновников в Хулун-Буире [Мягмарсамбуу 2017: 43]. Заметки о непростом взаимодействии даурских чиновников с наместником, прибывшим из Урги, содержатся в сводках сведений штаба Иркутского военного округа за 1914 г. Так, в первом номере этого документа имеется информация об отправке Богдо-гэгэном в Хайлар Чжасак-ламы для управления всеми 17 хулун-буирскими хошунами в качестве светского и духовного правителя, вернее, наместника. Однако все 5 помощников ухериды и более 50 цзангинов не пожелали признавать власть Чжасак-ламы. Ввиду этого Шенфу просил Ургинское правительство отозвать Чжасак-ламу и упразднить в Хулун-Буире должность наместника, оставив прежний маньчжурский устав, введенный цинской династией. Ходатайство было направлено Богдо-гэгэну. Тогда же выехал в Ургу из Хайлара специальный цзангин Фусянь (другое имя – Линшэн. – *Авт.*) с 10 тыс. руб. для подарков высшим чинам монгольского правительства на случай, если они не согласятся с просьбой хулун-буирских

властей [Цыбенков 2022: 130-131]. Этот кризис во взаимоотношениях между властями Хулун-Буира и Внешней Монголии не стоит трактовать как расхождение на религиозной почве, хотя, как мы подчеркивали выше, даурские чиновники-шаманисты, несмотря на их малочисленность, стояли у руля власти в Хулун-Буире. Истинные причины противоречий были банальными и заключались в нежелании хулун-буирского чиновничества попадать в прямое подчинение к правительству Богдо-гэгэна и передавать ему все финансовые дела региона.

Говоря о религиозной принадлежности даурской верхушки Хулун-Буира, следует заметить, что шаманисты-дауры, как чиновники, так и обычные скотоводы и земледельцы, отнюдь не воспринимали себя менее культурными или менее цивилизованными по сравнению с буддийским большинством. В их глазах шаманизм был исконной религией народов монгольского мира, он восходил к периоду Чингисхана и Монгольской империи. Поэтому дауры были вправе считать себя потомками средневековых монголов, сохранивших в чистоте свой язык и религию. Именно в этот период появилось название да(г)ур-монгол, начался этап притяжения дауров к монгольской истории, культуре и языку [Цыбенков, Юй Шан 2018: 114]. Правящая верхушка Хулун-Буира относилась к хайларским даурам – одной из четырех этнотерриториальных даурских групп. Другая группа дауров, известная как бутхаские дауры, также стремилась приобщиться к единому Монгольскому государству. Сложность заключалась в том, что регион их проживания – Бутха – находилась на границе монгольского и маньчжурского миров и территориально была гораздо ближе к Внутренней Монголии. Бутхаские дауры отмечали, что их предки в конце юаньского периода сражались с войсками династии Мин, отступили на северо-восток и оставались вместе с последним юаньским императором. На проживание дауров во Внешней Монголии указывало название даурского рода *онон*, которое, по мнению бутхаской знати, было прямо связано с р. Онон, протекающей по территории Монголии и Забайкалья. По мнению К. Этвуда, ярким проявлением панмонгольской идеологии в Хулун-Буире было принятие идентичности Чингизидов народами, которые никогда не были частью этой системы [Atwood 2005: 13-15]. Действительно, высшее сословие Хулун-Буира не относилось к числу наследственных Чингизидов, как в остальных аймаках Внутренней Монголии, таких как Чахар, Ордос и др. В отличие от многих других монгольских регионов, в Хулун-Буире не было «золотого рода» борджигин, и, соответственно, проживавшие здесь баргуты, олеты, буряты – народы монгольского корня – находились, по всей видимости, вне орбиты идентичности Чингизидов. Хотя они, будучи, собственно, монголами, очевидно, имели полное право называть себя потомками Монгольской империи. Тем не менее их представители, в частности баргуты, пытались как-то обосновать свою принадлежность именно к Чингизидам. Баргутский исследователь XIX в. Губэри указывал, что Хулун-Буир был территорией, подвластной Чингисхану, впоследствии здесь располагалась весенняя ставка Хасара, младшего брата всемонгольского правителя [Atwood 2005: 13-15]. Однако этим лишь подтверждался факт былого проживания представителей рода борджигин на территории Хулун-Буира. И все же в глазах баргутов этот момент был значимым, поскольку увязывал историю региона и, соответственно, его населения с золотым родом Чингисхана.

Рукопись Губэри неожиданно стала основным препятствием для бутхаских дауров в их стремлении приблизиться к идентичности Чингизидов и

Монгольской империи. Преградой явился хребет Большой Хинган, отделяющий Бутху от хулун-буирских (баргинских) степей. Весенняя ставка Хасара могла находиться лишь в степной зоне. Бутху от нее отделял протяженный горно-таежный массив. Несмотря на это, даурские исследователи начала XX в. Алтангат, Го Кэсин и др. делали попытки связать историю даурского народа с монголами и единой Монгольской империей. Они выдвигали различные версии, в основном возводящие происхождение дауров к белым татарам или к потомкам удела Хасара – младшего брата Чингисхана [Atwood 2005: 13-15; Цыбенков, Юй Шан 2018: 115]. На наш взгляд, достаточно сложно говорить о принадлежности дауров к монголам, поскольку все языковые и этнографические материалы указывают на раннее обособление предков дауров от монголоязычного ядра. Широко распространенной была и остается гипотеза о киданьском происхождении дауров.

Новые баргуты, в отличие от дауров, были традиционно связаны с Внешней Монголией разносторонними отношениями, включая и религиозные. В баргутских монастырях было немало монахов-халхасцев [Цыбенков, Юй Шан 2018: 113]. Из трех дорог, ведущих из Хайлара в Пекин, две проходили по территории Внешней Монголии (Халхи). Одна из них проходила через монастырь известного халхаского перерожденца Егудзэр-хутухты. Поэтому баргуты имели возможность поклоняться буддийскому иерарху. Известно, что в июне 1906 г. Егудзэр-хутухта совершил обряд почитания озер Буир и Хулун (другое название – Их далай). Во время его поездки на оз. Хулун многие верующие – халхасцы и баргуты, чиновники и простой люд, ламы совершали поклонение, устраивали молебны и подносили пожертвования. Известность получили баргуты синего с каймой хошуна, поднесшие перерожденцу 50 ланов серебра. В другой раз Егудзэр-хутухта прибыл на территорию Хулун-Буира летом 1918 г., посетил земли новых и старых баргутов, г. Хайлар [Мягмарсамбуу 2017: 27].

В начале XX в. в Хулун-Буире, по данным А.С. Мещерского, насчитывалось более 20 буддийских монастырей. В крупных монастырях проживали до 700 лам, в малых – 20–30 чел. При этом большинство лам, очевидно, относились к разряду монашествующих, поскольку собирались они только во время проведения торжественных богослужений. К основным буддийским центрам относились: 1) Хуху-сумэ, или Амбань-сумэ (рядом с г. Старый Хайлар); 2) Баин-хошуу сумэ (на дороге из Хайлара в Халху, на р. Имин); 3) Цзянцзюнь-сумэ (в баргутском хошуне Гуль-хуху) – эти три монастыря построены в 1803 г.; 4) Ольт-хошуу сумэ (построен в 1786 г.); 5) Блюд-сумэ; 6) Тамбоин-сумэ (другое название – Домбын-сумэ) в баргутском хошуне Гуль-цаган; 7) Ганьчжур-сумэ (главный монастырь Новой Барги, построен в 1785 г.) [Мещерский 1920: 16]. Официальное наименование Ганьчжур-сумэ – Олзий Энхжуулэгч (Устанавливающий мир и благоденствие), он находится в местности Баян-Бурд [Зориктуев 2021: 139]. Очевидно, число буддийских монастырей (если включать и малые храмы) было гораздо большим. Так, имеются сведения о наличии у новых баргутов Правого крыла 16 храмов в первой половине XX в., столько же храмов было и у населения Левого крыла Новой Барги, у старых баргутов был один монастырь – Баян-Хурэ сумэ, шесть храмов насчитывалось в Солонском хошуне [Миягашева 2017: 71-74].

Другим видным буддийским перерожденцем, побывавшим в Хулун-Буире, был Панчен-лама IX, прибывший в конце июля 1931 г. по приглашению амбана. По железной дороге из Мукдена в Хайлар его сопровождала свита, состоявшая из лам и солдат. Руководил ими Гушиг-хамбо лама, он же ведал

организацией проводимых богослужений и встреч. Слушателями буддийских проповедей Панчен-ламы были не только монголы (все монголоязычные этнические группы Хулун-Буира были объединены под этим этнонимом. — *Авт.*), но и русские, и японцы, проживавшие, очевидно, в поселках вдоль КВЖД. Помимо непосредственно буддийского учения, Панчен-лама уделял внимание единству пяти национальностей Китая и безопасности его территории. Во время его нахождения в Хайларе, в администрации амбана множество паломников в течение нескольких дней имели возможность совершить поклонение. Затем он посетил Хухэ-сумэ — монастырь, находящийся рядом с пос. Нантун, а также Шэнэхэн-сумэ по приглашению главы бурятского хошуна Аюши. В Шэнэхэне Панчен-лама пробыл два дня, совершая молебны и благословляя верующих [Бодонгуд 2013: 306–307; Цыбенев 2017: 132]. Далее он провел богослужения в буддийских монастырях баргутов, в частности в Ганьчжур-сумэ. Население жертвовало деньги, драгоценности. В октябре 1931 г. в связи с началом японской оккупации Северо-Восточного Китая Панчен-лама покинул Хулун-Буир и направился в сторону Шилингола. Помощь в перегоне скота оказали буряты во главе с Ринчиндоржи, проживавшие в Шилинголе [Бодонгуд 2013: 309]. Известно, что все пожертвования предназначались для закупки оружия и снаряжения, необходимого для возвращения в Тибет [Цыбенев 2017: 133].

Таким образом, буддизм и шаманизм достаточно мирно уживались в Хулун-Буире, приверженность к шаманизму не мешала правящей верхушке — чиновникам-даурам — входить в тесные отношения с Богдо-гэгэном и буддийским духовенством Внешней Монголии. Хулун-буирская администрация приглашала известных буддийских перерожденцев и иерархов, в частности Панчен-ламу IX и Егүдзэр-хутухту, для проповедей буддийского учения и укрепления позиций буддийской церкви в регионе. Идеи панмонголизма, возможность принятия подданства Монгольского государства в 1912–1915 гг. и, как следствие этого, интерес к идентичности Чингизидов подтолкнули отдельные группы дауров к попытке причисления себя к потомкам удела Хасара, младшего брата Чингисхана.

Список литературы

Базаров Б.В. 2001. *Генерал-лейтенант армии Маньчжоу-Го Уржин Гармаев*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 37 с.

Зориктуев Б.Р. 2021. *Баргуты Китая*: коллективная монография. Улан-Удэ: Изд-во БГУ. 282 с.

Кормазов В.А. 1928. *Барга. Экономический очерк*. Харбин: Типография КВЖД. 281 с.

Кузьмин С.Л. 2021. *Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века)*. М.: Товарищество научных знаний КМК. Т. 1. 407 с.

Мещерский А.С. 1920. *Автономная Барга. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг.* Вып. XII. Шанхай: Типография русского книгоиздательства. 39 с.

Миягашева С.Б. 2017. К истории буддийских монастырей баргутов Хулун-Буира. — *Культура Центральной Азии: письменные источники*. № 10. С. 62–81.

Цыбенев Б.Д. 2017. Национально-освободительное движение в Хулун-Буире в первой трети XX в. и визит в регион Панчен-ламы IX в 1931 г. — *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. История. Т. 21. С. 128–135.

Цыбенков Б.Д. 2022. *Социально-политическая история дауров (XX в.)*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 474 с.

Цыбенков Б.Д., Курас Л.В., Цыремпилова В.Э. 2023. Институты публичной власти в политиях маньчжуро-монгольского мира в 1900–1920 гг. (на примере Хулун-Буира). – *Oriental Studies*. Т. 16. № 4. С. 718–726.

Цыбенков Б.Д., Юй Шан. 2018. Буддизм и национализм во Внутренней Монголии в первой четверти XX в. – *Известия Иркутского государственного университета*. Сер. История. Т. 26. С. 109–118.

Atwood C.P. 2002. *Young Mongols and Vigilants in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931*. Leiden; Boston; Köln: Brill. 1168 p.

Atwood C.P. 2005. State Service, Lineage and Locality in Hulun Buir. – *East Asian History*. No. 30. P. 5–22.

Бодонгуд Абида. 2013. Визит Панчен-ламы в Хулун-Буир и проведение богослужений. – *Сборник статей по изучению баргутов*. Хулун-Буир: Изд-во культуры Внутренней Монголии. С. 301–311 (на класс. монг. письм.).

Мягмарсамбуу Г. 2017. *Регион Барги в истории Монголии: политическая история (1900–1960 гг.)*. Улаанбаатар: Соембо принтинг ХХК. 338 с. (на монг. яз.).

TSYBENOV Bazar Dogsonovich, Dr.Sci. (Hist.), Associate Professor; Leading Research Associate at the Department of History and Culture of Central Asia, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; bazar75@mail.ru)

TSYREMPILOVA Victoria Eduardovna, Cand.Sci. (Hist.), Research Associate at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; vikaliv21@yandex.ru)

RELIGION, IDENTITY OF THE CHINGISIDS AND INSTITUTIONS OF PUBLIC AUTHORITY IN THE MANCHU-MONGOL WORLD IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY (on the example of Khulun-Buir)

Abstract. The article analyzes various aspects of the history of Buddhism and shamanism in the territory of Hulun-Buir in the first third of the 20th century. The authors study the religious and political relationships of the Hulun-Buir officials with the Bogdo Gegen and the government of Outer Mongolia and the activities of the Egduser-khutuhta and 9th Panchen Lama in the region. Researchers suggest that some ethnic groups in Hulun-Buir wrongly considered themselves descendants of the Mongol Empire.

Keywords: Buddhism, Hulun-Buir, Barguts, bureaucracy, Dairs, shamanism

---